

Локализация целей устойчивого развития на примере регионов Приволжского и Уральского федеральных округов

Т.В. АЛФЕРОВА, кандидат экономических наук
E-mail: talferova68@mail.ru; ORCID: 0000-0003-4961-0435
Researcher ID: P-4224-2017

Пермский государственный национальный исследовательский университет,
Пермь

Аннотация. В работе обосновывается и описывается декомпозиция национальных целей развития РФ до регионального уровня, на этой базе сформирована база данных и разработана методика сравнительной оценки достижения регионами одновременно национальных целей развития, глобальных целей устойчивого развития (ЦУР) и динамики продвижения к ним. Апробация методики осуществлялась на примере регионов Приволжского и Уральского федеральных округов за период 2015–2020 гг. Расчет индексов ЦУР регионов показал, что их низкое значение в совокупности с низкими темпами роста приведет к тому, что в ряде регионов целевые показатели не будут достигнуты к 2030 г. Все это может служить информационной основой для принятия решений в области реализации политики устойчивого развития российских регионов.

Ключевые слова: цели устойчивого развития; ЦУР; регионы РФ; локализация; методика; индикаторы

Введение

Рамочная резолюция Генеральной Ассамблеи ООН «Преобразование нашего мира: Повестка дня в области устойчивого развития на период до 2030 года»¹ как основополагающий документ в области содействия политике устойчивого развития имеет четко ориентированную систему координат. Во-первых, это вертикальная интеграция между уровнями управления (национальными, региональными и местными органами власти). Во-вторых, горизонтальная координация между секторами одного уровня (министерствами, местными органами власти,

¹ Генеральная Ассамблея ООН. 2015. Резолюция ООН 70/1: Преобразование нашего мира: Повестка 2030 дня для устойчивого развития. Нью-Йорк. URL: https://unctad.org/system/files/official-document/ares70d1_ru.pdf (дата обращения: 30.07.2022).

региональными программами и т.д.). Не следует забывать и о сбалансированности между сферами устойчивого развития (экономической, экологической и социальной).

Универсальный характер Повестки предполагает вовлеченность широких кругов стейкхолдеров: «Правительства и государственные учреждения будут также тесно сотрудничать в процессе осуществления с региональными и местными органами власти, субрегиональными учреждениями, международными институтами, научным сообществом, благотворительными организациями, группами добровольцев и другими»².

Ключевая роль глобального партнерства в достижении Целей устойчивого развития (ЦУР) закреплена в отдельной цели (ЦУР 17 «Укрепление средств осуществления и активизация работы в рамках Глобального партнерства в интересах устойчивого развития»), что свидетельствует об исключительной важности выполнения этого условия.

Для реализации ЦУР многие страны, включая Россию, приняли национальные стратегии и планы развития, наметили институциональные реформы, определили пути продвижения. Однако в июле 2018 г. на Политическом форуме высокого уровня по устойчивому развитию (HLPF) в Нью-Йорке успехи международного сообщества в реализации ЦУР были признаны скромными и недостаточными. Одной из причин этого названа недооценка важности регионального и местного уровней.

Принятые ранее Цели развития тысячелетия (ЦРТ)³, по мнению составителей Программы развития ООН (ПРООН) и Группы Всемирного банка⁴, не были достигнуты именно из-за недостатка навыков и ресурсов на местном и региональном уровнях. До срока достижения ЦУР осталось восемь лет, в связи с этим вопросы, будут ли они достигнуты к 2030 г., за счет каких ресурсов и механизмов, приобретают особую актуальность.

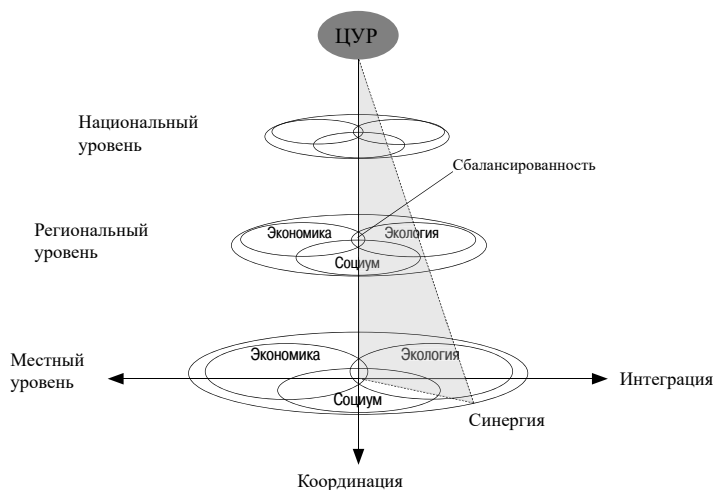
² Генеральная Ассамблея ООН. 2015. Резолюция ООН 70/1: Преобразование нашего мира: Повестка 2030 дня для устойчивого развития. Нью-Йорк. [Пункт 45. С. 14]. URL: https://unctad.org/system/files/official-document/ares70d1_ru.pdf (дата обращения: 30.07.2022).

³ Декларация тысячелетия Организации Объединенных Наций. Принята резолюцией 55/2 Генеральной Ассамблеи от 8 сентября 2000 г. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/summitdecl.shtml (дата обращения: 30.07.2022).

⁴ UNDP and World Bank Group. 2016. Transitioning from the MDGs to the SDGs. New York and Washington, DC URL: <https://www.undp.org/publications/transitioning-mdgs-sdgs> (дата обращения: 30.07.2022).

Проблема локализации ЦУР в Российской Федерации и ее регионах

Элементы многоуровневого управления и последовательной реализации ЦУР представлены на рисунке. Обеспечение сквозного и интегративного характера действий требует специальных механизмов. В качестве такового предлагается локализация ЦУР как «процесса учета субнационального контекста в реализации Повестки 2030, начиная с постановки целей и задач и заканчивая определением средств реализации и использованием индикаторов для оценки и мониторинга прогресса»⁵.

Источник рисунка, табл. 1,2: составлено автором.

Модель многоуровневого управления и согласованности
политики ЦУР

⁵ Генеральная Ассамблея ООН. 2015. Резолюция ООН 70/1: Преобразование нашего мира: Повестка 2030 дня для устойчивого развития. Нью-Йорк. [С. 6]. URL: https://unctad.org/system/files/official-document/ares70d1_ru.pdf (дата обращения: 30.07.2022).

Несмотря на принятые ООН документы, в частности, Дорожную карту локализации ЦУР⁶, Руководство по подготовке добровольных национальных обзоров⁷ и др., существуют серьезные барьеры для эффективной локализации. Важнейшие из них:

- недостаточный местный потенциал и нехватка финансовых ресурсов;
- отсутствие согласованности политики и координации между национальными и местными усилиями;
- ограниченная осведомленность о ЦУР на субнациональном уровне;
- проблемы, связанные с наличием данных и возможностей для проведения субнационального мониторинга [Oosterhof, 2020].

Кроме того, до сих пор в научной литературе ощущается недостаток исследований, посвященных данному вопросу. Имеющиеся разработки – это либо индексы, касающиеся отдельных аспектов устойчивого развития (например, Индекс человеческого развития)⁸, либо комплексные индексы, но без привязки к ЦУР (Метаиндекс устойчивого развития) [Cherchye, Kuosmanen, 2006]. Основным же показателем оценки достижения странами ЦУР в настоящее время является система мониторинга под названием «Индекс ЦУР», разработанный группой под руководством Джеффри Сакса [Sachs et al., 2022. С. 61].

Процедура его расчета включает три этапа: 1) нормализация; 2) масштабирование; 3) агрегирование показателей в рамках ЦУР и между ними. После установления верхней и нижней границ переменные преобразуются в линейную шкалу от 0 до 100 с использованием формулы:

$$x = \frac{x - \min(x)}{\max(x) - \min(x)} \cdot 100, \quad (1)$$

где x – значение исходных данных;

⁶ Дорожная карта локализации ЦУР: реализация и мониторинг на субнациональном уровне. URL: http://euroasia-uclg.ru/upload/iblock/7f1/_-_-compressed.pdf (дата обращения: 01.08.2022).

⁷ Руководство по подготовке добровольных национальных обзоров URL: https://sustainabledevelopment.un.org/content/documents/21633VNR_handbook_2019_Edition_RUS_EP_25March2019_Russian.pdf (дата обращения: 01.08.2022).

⁸ UNDP. Human Development Reports. URL: <https://hdr.undp.org/> (дата обращения: 01.08.2022).

max / min – границы для лучшей и худшей деятельности соответственно;

x – нормализованное значение после масштабирования.

Ограничением минимаксной нормализации будет присутствие в выборке относительно редких выбросов – значений, намного отличающихся от типичных (например, наличие регионов-лидеров по ряду критериев). В этом случае именно их уровень будет определять масштаб нормализации, а следовательно, основная масса значений нормализованных переменных сосредоточится вблизи нуля.

Далее масштабированные данные интерпретируются и сравниваются по всем индикаторам: страна, получившая 50 баллов по переменной, находится на полпути к достижению оптимального значения, страна с 75 баллами прошла три четверти дистанции от худшего к лучшему и т.д.

Среди недостатков индекса называют несовершенство статистической информации, лежащей в основе его расчета, использование, помимо официальных данных, оценок исследовательских центров и неправительственных организаций и ежегодное изменение методологии расчета индекса, затрудняющее сравнение между годами [Ланьшина и др., 2019].

По мнению И. Лермонт, Индекс демонстрирует четкое разделение между развитыми и развивающимися странами, искажающее реальное положение дел. Так, у 25 ведущих стран в рейтинге оптически высокие статистические данные о развитии скрывают культуру безудержного потребления [Learmonth, 2019], в то время как прогресс в достижении целей в области климата и биоразнообразия идет слишком медленно именно в богатых странах.

Сами разработчики индекса считают, что страны систематически заменяют глобальные показатели ЦУР различными национальными косвенными показателями, что делает невозможным наличие общего эталона для оценки глобального прогресса. Несмотря на это, Индекс является наиболее широко используемым инструментом для оценки эффективности стран в контексте Повестки 2030.

Отметим, что сама по себе необходимость составления рейтингов является предметом обсуждения. С одной стороны, ранжирование помогает привлечь внимание к проблеме, способствует появлению новых исследований, повышает качество аргументов

для дебатов и т.д. С другой – во многих случаях международные рейтинги упрощают социальные явления и выборочно диагностируют сложные проблемы [Vojtor, Czippan, 2019].

В настоящее время более 110 стран готовят добровольные национальные обзоры (ДНО) по устойчивому развитию. Однако системы показателей на национальном уровне, как правило, фокусируются на вопросах и проблемах конкретной страны, что, безусловно, имеет важное значение, но в соответствии с п. 75 резолюции Генеральной Ассамблеи ООН, одобрившей Повестку 2030, они должны дополнять, а не заменять глобальные индикаторы.

Россия впервые представила ДНО в 2020 г. Обзор продемонстрировал курс на интеграцию ЦУР в политику Российской Федерации: «Только национальными проектами и Комплексным планом модернизации и расширения магистральной инфраструктуры прямо или косвенно охвачены 107 из 169 задач ЦУР»⁹. В целом, говоря о локализации ЦУР в России, можно отметить, что на федеральном уровне данный аспект реализуется, чего нельзя сказать об уровне региональном.

Управление социально-экономическим развитием регионов осуществляется, как правило, на основе программно-целевого подхода, в котором программы направлены на решение самых насущных проблем каждой территории. Установление целевых показателей, контроль их достижения, сроки и методы расчета определяются регионами самостоятельно, исходя из собственных приоритетов и целей, не всегда совпадающих с ЦУР. Это затрудняет оценку прогресса и вклада каждого региона в достижение ЦУР страной в целом. Как правило, программы имеют отдельное ресурсное обеспечение и отдельные структуры управления. При этом не учитываются необходимость интеграции и координации, а также возможные эффекты синергии.

В научной литературе данный аспект, как правило, рассматривается в контексте решения конкретных задач без привязки к глобальным ЦУР и национальным показателям устойчивого развития [Никоноров, 2019; Берендеева и др., 2020; Курганов,

⁹ Добровольный национальный обзор хода осуществления Повестки дня в области устойчивого развития на период до 2030 года. [С. 23]. URL: https://sustainabledevelopment.un.org/content/documents/26421VNR_2020_Russia_Report_Russian.pdf (дата обращения: 30.07.2022).

Третьякова, 2020; Сырцова и др., 2020]. В связи с этим исследование субнационального контекста ЦУР в реализации Национальной стратегии РФ представляется важным и своевременным.

Целью данного исследования является разработка методического инструментария, позволяющего оценить уровень достижения ЦУР российскими регионами на основе их интеграции в национальные показатели устойчивого развития.

Методика оценки достижения ЦУР российскими регионами

Национальный набор показателей для локализации ЦУР в России определен Указом Президента РФ № 204 от 07.05.2018 г. «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года» и скорректирован Указом № 474 от 20.07.2020 г. «О национальных приоритетах развития РФ на период до 2030 года».

Полномочия по формированию официальной статистической информации по показателям достижения ЦУР и представления ее в международные организации возложены на Росстат¹⁰. Однако в опубликованном на сайте Росстата ежегоднике, включающем 103 показателя, наблюдается ряд дефектов.

Первый – это отсутствие данных по ряду индикаторов в разрезе регионов. Такими, например, являются «удельный вес социальных выплат в % к ВВП», «смертность населения в трудоспособном возрасте на 100 тыс. населения», «доля времени, затрачиваемого на неоплачиваемый труд по уходу и работу по дому», «протяженность очищенной прибрежной полосы водных объектов» и множество других.

Второй дефект – короткие ряды статистических данных. Например, по показателю «доля домохозяйств, указавших при оценке своего материального положения на нехватку денег на еду», есть данные только за четыре года, по показателю «обеспеченность врачами на 10 000 человек населения в РФ» – за три года, еще девять показателей собраны только за два года и т.д.

Еще один дефект, требующий обязательного устранения при представлении данных, – это несопоставимость и несоразмерность

¹⁰ Распоряжение Правительства Российской Федерации от 6 июня 2017 года № 1170-р.

единиц измерения (абсолютных и относительных, натуральных и стоимостных и т.д.). Все это затрудняет процедуру оценки, не позволяя верно определить прогресс в достижении ЦУР регионами и страной.

В целом только 60 показателей ЦУР из 103, отраженных в ежегоднике, представлены в разрезе регионов, и только 9 из них собраны за период с 2010 до 2020 гг., т.е. являются пригодными для формирования индексов или построения качественных моделей. Однако такого количества крайне мало для оценки всех необходимых аспектов устойчивого развития. Следовательно, данные нужно дополнять из других статистических баз, что затруднительно, так как некоторые показатели, относящиеся к устойчивому развитию, до 2019 г. не собирались. Кроме того, в разных источниках одни и те же аспекты часто представлены разными вариантами показателей или одни и те же показатели имеют разные единицы измерения, что требует предварительной обработки перед включением их в ряды данных.

На первом этапе исследования мы отбирали показатели, сопоставляя их по следующему алгоритму: ЦУР – подцель – индикаторы ООН – индикаторы РФ – показатели, доступные в региональной статистике. Отсутствующие в региональной статистике данные заменялись близкими по сути показателями или рассчитывались самостоятельно на основе доступной информации. Первоначально сформированная база представляла собой динамические ряды с 2015 г. по 2020 г., состоящие из 127 показателей по 21 региону Приволжского и Уральского федеральных округов. Границы временного лага в шесть лет определились годом утверждения ЦУР и последним годом, за который имелись статистические данные на момент проведения исследования.

Далее проводилась обработка собранных данных. В частности, из общей базы были исключены показатели Ханты-Мансийского, Ямало-Ненецкого автономных округов, из-за отсутствия большого числа необходимых показателей, и Тюменской области с автономными округами в ее составе из-за специфики имеющих данных, часть которых опубликована отдельно для Тюменской области и для автономных округов, а часть представлена объединенными данными по области и округам.

Для обеспечения сопоставимости стоимостных показателей некоторые из них были дефлированы (приведены к уровню цен

2015 г.). Показатели, имеющие абсолютные единицы измерения, были пересчитаны в относительные (коэффициенты, проценты, промилле или величины, приходящиеся на десять тысяч человек населения), дублирующие (отличающиеся только единицами измерения, большей детализацией и т.д.) – исключены. Получившаяся база данных включала 80 индикаторов, распределенных по 16 ЦУР. Статистических данных, соответствующих Цели 14 «Сохранение и рациональное использование океанов, морей и морских ресурсов в интересах устойчивого развития в исследуемых регионах», нет из-за особенностей географического положения изучаемых регионов.

По каждому из восьмидесяти индикаторов были определены целевые значения. Для ряда показателей они установлены национальными приоритетами развития РФ, некоторые определены целевыми федеральными проектами и программами. Для остальных целевые значения устанавливались как среднее из трех наибольших, если большее значение характеризует большую результативность, и как среднее из трех наименьших, если большую результативность определяет меньшее значение.

Стандартизация относительно целевого значения производилась по формуле 2 (если значение индикатора, стремясь к целевому уровню, должно увеличиваться) и формуле 3 (если значение должно уменьшаться) [Третьякова, Осипова, 2016; Алферова и др., 2018; Курганов, Третьякова, 2020; Петрашевич, 2021].

$$x_n^k = \frac{a_{ij}^k}{\max a_i} , \quad (2)$$

$$x_n^k = \frac{\min a_i}{a_{ij}^k} , \quad (3)$$

где x_n^k – нормализованное значение индикатора в году k ; a_{ij}^k – фактическое значение i -го индикатора по j -му региону в году k ; $\max a_i$ – целевое значение i -го индикатора, стремящегося к \max ; $\min a_i$ – целевое значение i -го индикатора, ориентированного на \min .

Далее рассчитывались групповые индексы по каждой ЦУР с использованием формулы средней арифметической.

Полученные групповые индексы за шесть лет (2015–2020 гг.) послужили информационной основой для расчета интегральных индексов, отражающих фактическую степень достижения ЦУР и для оценки прогресса в их достижении к 2020 г.

Прогресс в достижении ЦУР определялся с использованием среднегодовых темпов изменения (роста или снижения). Полученные результаты оценивались по критериям, предложенным разработчиками глобального Индекса ЦУР [Sachs et al., 2022. P. 62].

Если *показатель снижается*, значит, регион движется в неверном направлении и отдаляется от достижения ЦУР. В случае, если показатель остается на прежнем уровне или увеличивается темпами ниже 50% от темпов роста, необходимых для достижения ЦУР к 2030 г., можно говорить *о стагнации*; если он увеличивается со скоростью, превышающей 50% от требуемых темпов роста, но ниже темпов, необходимых для достижения, – *об умеренном улучшении*. *О достижении ЦУР* свидетельствует увеличение показателя со скоростью, необходимой для достижения ЦУР к 2030 г. (или если показатель уже превысил целевой порог).

В опоре на данный принцип мы предлагаем следующие критерии для оценки текущего уровня достижения ЦУР: групповые и интегральные индексы, имеющие значения 0,25 и ниже, характеризуют уровень достижения ЦУР регионами как крайне низкий, от 0,25 до 0,5 – как низкий. Значения от 0,5 до 0,75 – как достаточный и 0,75 и выше говорит о высоком уровне достижения ЦУР.

Таким образом, разработанный методический инструментарий позволяет: 1) производить сравнительную оценку достижения регионами национальных целей развития, интегрированных в ЦУР; 2) оценить динамику продвижения за исследуемый период; 3) определить прогнозные значения индексов к 2030 г.; 4) выявить позитивные и негативные тенденции. Все это будет служить основой для корректировки управленческих решений в области реализации политики устойчивого развития регионов.

Результаты апробации методики оценки достижения ЦУР регионами

Апробация методики проводилась на примере регионов Приволжского и Уральского федеральных округов. Подчеркнем, что методика не оценивает развитие регионов по признаку устойчивости либо сбалансированности, но является инструментом оценки *достижения целей устойчивого развития*, сформулированных в стратегических документах РФ, и косвенно служит показателем результативности предпринятых в этом направлении действий, а также вклада регионов в достижение ЦУР. Полученные индексы позволяют выявить проблемные области в управлении, способствуют исследованию и лучшему пониманию синергических эффектов и т.д. Все это в свою очередь служит продвижению регионов по пути устойчивого развития.

К примеру, крайне низкое значение индекса ЦУР 5 «Обеспечение гендерного равенства и расширение прав и возможностей всех женщин и девочек» (табл. 1) еще не означает, что в стране имеются выраженные проявления гендерного неравенства. В национальный набор показателей РФ по данному аспекту включено пять критериев: доля времени, затрачиваемого на неоплачиваемый труд по уходу и работу по дому; доля мест, занимаемых женщинами в национальных парламентах; доля женщин на руководящих должностях; уровень занятости женщин, имеющих детей дошкольного возраста; численность прошедших переобучение и повышение квалификации женщин, находящихся в отпуске по уходу за ребенком в возрасте до трех лет. По некоторым из них установлены труднодостижимые целевые ориентиры. Например, по последнему показателю целью является повышение с 40 тыс. чел. в 2020 г. до 230 тыс. чел. к 2030 г.¹¹, в то время как фактические значения показателя в регионах Приволжского федерального округа в 2015 г. насчитывали всего несколько сотен человек. Впрочем, некоторые регионы, очевидно, ориентируясь на национальные приоритеты, демонстрируют впечатляющую динамику по этому показателю (табл. 2).

¹¹ Национальные проекты: целевые показатели и основные результаты. На основе паспортов национальных проектов, утвержденных президиумом Совета при Президенте Российской Федерации по стратегическому развитию и национальным проектам от 24 декабря 2018 г. М., 2019. С. 25.

Таблица 1. Значения интегральных индексов достижения ЦУР

Регион	ЦУР 1	ЦУР 2	ЦУР 3	ЦУР 4	ЦУР 5	ЦУР 6	ЦУР 7	ЦУР 8	ЦУР 9	ЦУР 10	ЦУР 11	ЦУР 12	ЦУР 13	ЦУР 15	ЦУР 16	ЦУР 17
Республика Башкортостан	0,62	0,89	0,60	0,71	0,18	0,58	0,65	0,66	0,60	0,70	0,66	0,26	0,49	0,85	0,73	0,34
Республика Марий Эл	0,64	0,87	0,66	0,72	0,09	0,92	0,66	0,66	0,47	0,86	0,48	0,37	0,23	0,81	0,47	0,27
Республика Мордовия	0,61	0,92	0,66	0,76	0,23	0,88	0,67	0,77	0,61	0,92	0,53	0,46	0,35	0,73	0,52	0,28
Республика Татарстан	0,62	0,90	0,66	0,78	0,08	0,65	0,65	0,79	0,73	0,73	0,65	0,42	0,41	0,63	0,85	0,43
Удмуртская Республика	0,66	0,90	0,62	0,75	0,11	0,98	0,61	0,75	0,57	0,89	0,62	0,37	0,29	0,88	0,46	0,34
Чувашская Республика	0,64	0,87	0,68	0,74	0,17	0,94	0,66	0,66	0,66	0,98	0,55	0,29	0,29	0,83	0,58	0,28
Пермский Край	0,65	0,89	0,56	0,72	0,08	0,67	0,62	0,66	0,59	0,73	0,64	0,30	0,41	0,77	0,48	0,40
Кировская область	0,63	0,91	0,62	0,69	0,07	0,55	0,65	0,70	0,46	0,97	0,56	0,40	0,72	0,85	0,43	0,29
Нижегородская область	0,66	0,91	0,62	0,73	0,07	0,95	0,65	0,76	0,66	0,76	0,65	0,23	0,38	0,80	0,68	0,35
Оренбургская область	0,63	0,88	0,60	0,72	0,07	0,58	0,61	0,67	0,48	0,82	0,50	0,24	0,36	0,78	0,56	0,36
Пензенская область	0,60	0,90	0,58	0,68	0,08	0,62	0,65	0,71	0,66	0,91	0,71	0,24	0,38	0,77	0,65	0,30
Самарская область	0,64	0,85	0,58	0,75	0,11	0,49	0,64	0,73	0,66	0,80	0,57	0,34	0,52	0,86	0,61	0,38
Саратовская область	0,67	0,89	0,60	0,74	0,27	0,87	0,64	0,67	0,47	0,86	0,62	0,59	0,36	0,85	0,68	0,31
Ульяновская область	0,70	0,89	0,55	0,70	0,16	0,94	0,65	0,70	0,63	0,89	0,59	0,25	0,36	0,83	0,53	0,29
Курганская область	0,71	0,90	0,51	0,67	0,15	0,77	0,64	0,60	0,42	0,91	0,58	0,20	0,24	0,83	0,38	0,28
Свердловская область	0,72	0,89	0,56	0,79	0,17	0,54	0,68	0,68	0,58	0,72	0,62	0,36	0,57	0,88	0,68	0,42
Тюменская область без а/о	0,57	0,88	0,60	0,81	0,10	0,91	0,69	0,65	0,51	0,78	0,65	0,43	0,18	0,80	0,48	0,70
Челябинская область	0,64	0,84	0,54	0,75	0,07	0,53	0,66	0,63	0,57	0,92	0,68	0,36	0,60	0,73	0,50	0,36

■ — Значения, характеризующие крайне низкий уровень показателя;

□ — Значения, характеризующие низкий уровень показателя.

Данные таблицы свидетельствуют, что большинству регионов Приволжского и Уральского федеральных округов необходимо сосредоточить внимание на факторах, способствующих достижению ЦУР 9 «Создание стойкой инфраструктуры, содействие всеохватной и устойчивой индустриализации и инновациям»; ЦУР 12 «Обеспечение перехода к рациональным моделям потребления и производства»; ЦУР 13 «Принятие срочных мер по борьбе с изменением климата и его последствиями» и ЦУР 17 «Укрепление средств осуществления и активизация работы в рамках Глобального партнерства в интересах устойчивого развития». Низкое значение индексов по этим целям в совокупности с низкими темпами роста означает, что в ряде регионов целевые показатели не будут достигнуты к 2030 г. (табл. 2). Особенно это касается ЦУР 9 и 17, индексы которых практически во всех регионах либо снижаются, либо стагнируют.

Низкие, а в некоторых случаях – отрицательные темпы роста не позволят большинству регионов достичь и ЦУР 1 «Повсеместная ликвидация нищеты во всех ее формах»; ЦУР 4 «Обеспечение всеохватного и справедливого качественного образования и поощрение возможности обучения на протяжении всей жизни для всех»; ЦУР 11 «Обеспечение открытости, безопасности, жизнестойкости и экологической устойчивости городов и населенных пунктов» даже несмотря на достаточно высокие значения самих индексов (табл. 1). Следовательно, лицам, принимающим решения, нужно обратить внимание на данный аспект.

Отметим, что в последние два года из-за многократных перекрывающихся кризисов в области здравоохранения и безопасности прогресс в достижении ЦУР приостановился во всем мире. «Это серьезная неудача, особенно если учесть, что до пандемии в период 2015–2019 гг. мир продвигался к их достижению со скоростью 0,5 пункта в год (что также слишком медленно для достижения крайнего срока 2030 г.)», – отмечают разработчики индекса ЦУР¹².

¹² Sustainable Development Report. Executive Summary Summary of key findings and recommendations [Эл. ресурс]. URL: <https://dashboards.sdgindex.org/chapters/executive-summary> (дата обращения: 04.08.2022).

Вместе с тем следует отметить, что практически всеми регионами будут достигнуты ЦУР 7 «Обеспечение всеобщего доступа к недорогим, надежным, устойчивым и современным источникам энергии»; ЦУР 10 «Сокращение неравенства внутри стран и между ними» и ЦУР 16 «Содействие построению миролюбивого и открытого общества в интересах устойчивого развития, обеспечение доступа к правосудию для всех и создание эффективных, подотчетных и основанных на широком участии учреждений на всех уровнях» при этом значительно раньше 2030 г. Это также должно стать объектом внимания лиц, ответственных за планирование и ресурсное обеспечение региональных программ развития. Им стоит сфокусироваться на других проблемах, требующих решения по каждой ЦУР, и расширить их охват, включив новые целевые показатели.

В целом можно отметить низкую достигаемость ЦУР всеми субъектами Приволжского и Уральского федеральных округов. Если не предпринимать никаких действий в этом направлении, к 2030 г. восемь целей из шестнадцати будут достигнуты только Оренбургской областью, семь – Республикой Марий Эл, Татарстаном и Пермским краем. Всего по три цели будут достигнуты Чувашской Республикой, Саратовской и Свердловской областями.

Таким образом, предложенная методика позволяет проводить сравнительную оценку достижения регионами национальных целей развития, оценивать динамику продвижения, определять прогнозные значения индексов, выявлять позитивные и негативные тенденции с целью их корректировки. Все это может служить информационной основой для принятия решений в области реализации политики устойчивого развития регионов. Как отмечают исследователи [Oosterhof, 2018], система измерения, базирующаяся на показателях, является полезным инструментом в разработке политики, основанной на фактах.

Кроме того, применение методики послужит локализации ЦУР как «процессу определения, реализации и мониторинга стратегий на местном уровне для достижения глобальных, национальных и субнациональных целей и задач в области устойчивого развития»¹³. А именно для реализации одной из специальных

¹³ UN Development Group. 2014. Localizing the Post-2015 Agenda: Dialogues on Implementation. New York. [С. 6]. URL: https://www.uclg.org/sites/default/files/dialogues_on_localizing_the_post-2015_development_agenda.pdf (дата обращения: 06.08.2022).

целей: «Определение простых, но эффективных систем мониторинга и отчетности, включая выявление источников данных, пробелов и средств пополнения»¹⁴.

Заключение

Достижение глобальных ЦУР во многом зависит от конкретных результатов, полученных на региональном и местном уровнях. Будучи ближайшим к населению уровнем управления, местные и региональные органы власти находятся в уникальном политическом положении, позволяющем объективно выявлять потребности и пробелы в области развития, своевременно реагировать на них, а также нести ответственность за широкий круг решений, связанных с региональным развитием.

Полученные результаты оценки достижения ЦУР регионами Приволжского и Уральского федеральных округов указывают на необходимость улучшения процессов местного управления и наращивание местного институционального потенциала практически во всех указанных субъектах.

Наиболее высокие фактические показатели достижения во всех регионах имеют ЦУР 2 (от 0,84 до 0,91), ЦУР 10 (от 0,72 до 0,91) и ЦУР 15 (от 0,63 до 0,88). Крайне низкими являются фактические значения по ЦУР 5 (от 0,07 до 0,27), низкими – по ЦУР 12 (от 0,2 до 0,43), за исключением Саратовской области, ЦУР 17 (от 0,28 до 0,43), за исключением Тюменской области. ЦУР 13 также имеет в основном низкие значения (от 0,18 до 0,38), за исключением четырех регионов.

При этом высокие фактические оценки не являются гарантией достижения ЦУР к 2030 г. из-за низких темпов роста. В частности, к указанному сроку ни одним регионом не будут достигнуты ЦУР 4, 9 и 11. Недостижимыми останутся также ЦУР 1 и 17 для всех регионов, кроме Республики Башкортостан и Тюменской области соответственно. Наиболее благоприятно ситуация складывается с достижением ЦУР 7, 10 и 16, которые будут достигнуты практически всеми регионами. В целом к 2030 г. из шестнадцати целей будут достигнуты

¹⁴ UN Development Group. 2014. Localizing the Post-2015 Agenda: Dialogues on Implementation. New York. [С. 8]. URL: https://www.uclg.org/sites/default/files/dialogues_on_localizing_the_post-2015_development_agenda.pdf (дата обращения: 06.08.2022).

только восемь – Оренбургской областью, семь – Республикой Марий Эл, Татарстаном и Пермским краем. В остальных регионах ситуация складывается значительно хуже.

По нашему мнению, улучшение сложившейся ситуации может быть достигнуто за счет повышения согласованности и координации между уровнями государственного управления, учитывая преимущества каждого уровня и возможности синергии усилий между уровнями власти и другими заинтересованными сторонами, т.е. за счет реализации многоуровневого управления и локализации ЦУР.

Литература

Алферова Т.В., Третьякова Е.А., Осипова М.Ю., Суркова Ю.И. Эволюция концепции устойчивого развития в контексте исторических процессов: монография. М.: ИНФРА-М, 2018. 185 с. DOI: 10.12737/monography_5b5825de7c1d84.81996806

Берендеева, А.Б., Воробьева О.С., Руданова Ю.С. Анализ показателей и рейтингов уровня и качества жизни населения регионов // Вестник Владимирского государственного университета имени Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых. Серия: Экономические науки. 2020. № 1 (23). С. 95–108.

Курганов М.А., Третьякова Е.А. Оценка устойчивого регионального развития с позиции реализации ценностей ключевых стейкхолдеров // Journal of New Economy. 2020. Т. 21. № 4. С. 104–130. DOI: 10.29141/2658–5081–2020–21–4–6

Ланьшина Т.А., Барина В.А., Логинова А.Д., Лавровский Е.П., Понедельник И.В. Опыт локализации и внедрения Целей устойчивого развития в странах – лидерах в данной сфере // Вестник международных организаций. 2019. Т. 14. № 1. С. 207–224.

Никоноров С.М., Папенков К.В., Ситкина К.С., Кривичев А.И., Лебедев А.В. Проблемы измерения устойчивости развития арктического региона // Вестник Московского университета. Серия 6. Экономика. 2019. № 4. С. 107–112.

Петрашевич Г.В. Методические подходы к отбору проблемных регионов Республики Беларусь // Экономический бюллетень научно-исследовательского экономического института Министерства экономики Республики Беларусь. 2021. № 6 (288). С. 48–59.

Стратегия устойчивого развития в системе государственного, муниципального и корпоративного управления: монография / М.А. Аксенова, С.В. Владимирова и др. М.: Первое экономическое издательство, 2020. 306 с.

Сырцова Е.А., Пыжжева Ю.И., Лапо Е.В. Устойчивость развития регионов Сибири и Дальнего Востока // Актуальные вопросы экономики и социологии/ Сборник статей по материалам XVI Международной осенней конференции молодых ученых в новосибирском Академгородке. Новосибирск: Институт экономики и организации промышленного производства СО РАН, 2020. С. 114–117.

Третьякова Е.А., Осипова М.Ю. Сочетание статического и динамического подходов в оценке устойчивого развития региональных социально-экономи-

ческих систем // Вестник Пермского университета. Сер. «Экономика» = Perm University Herald. Economy. 2016. № 2(29). С. 79–92. DOI: 10.17072/1994-9960-2016-2-79-92

Bojtor I. A., Czippán K. The Synergies of the Sustainable Development Goals and the Good State and Governance Report in Hungary [Эл. ресурс]. URL: https://www.nispa.org/files/conferences/2019/e-proceedings/system_files/papers/the-synergies-bojtor.pdf (дата обращения: 04.08.2022).

Cherchye L., Kuosmanen T. Benchmarking sustainable development: A synthetic meta-index approach, in: Understanding Human Well-Being, edited by: McGillivray, M. and Clarke, M., New-York, Paris, Tokyo, United Nations University Press, 2006. P. 139–169. URL: <https://econwpa.ub.uni-muenchen.de/econ-wp/other/papers/0210/0210001.pdf> (дата обращения: 01.08.2022).

Learmonth I. Global development metrics are overwhelmingly biased towards rich, developed nations. 31 августа 2019 года [Эл. ресурс]. URL: <https://thred.com/change/the-sustainable-development-goals-tell-an-inaccurate-story-of-global-progress/> (дата обращения: 04.08.2022).

Oosterhof P. Why Localizing SDGs Is Critical in a Post- COVID World. November 2020. URL: https://www.researchgate.net/publication/351846904_Why_Localizing_SDGs_Is_Critical_in_a_Post_COVID_World (дата обращения: 05.08.2022).

Oosterhof P.D. Localizing the Sustainable Development Goals to Accelerate Implementation of the 2030 Agenda for Sustainable Development. The Governance Brief. Issue 33. 2018. URL: <https://www.adb.org/sites/default/files/publication/472021/governance-brief-033-sdgs-implementation-2030-agenda.pdf> (дата обращения: 04.08.2022).

Sachs, J., Kroll, C., Lafortune, G., Fuller, G., Woelm, F. Sustainable Development Report 2022. From Crisis to Sustainable Development: the SDGs as Roadmap to 2030 and Beyond. Includes the SDG Index and Dashboards. Cambridge University Press. 494 p. URL: <https://dashboards.sdgindex.org/> (дата обращения: 04.08.2022).

Статья поступила 10.08.2022

Статья принята к публикации 17.08.2022

Для цитирования: *Алферова Т.В.* Локализация целей устойчивого развития на примере регионов Приволжского и Уральского федеральных округов // ЭКО. 2022. № 10. С. 148–167. DOI: 10.30680/ECO0131-7652-2022-10-148-167

Summary

Alferova, T.V., *Doct. Sci. (Econ.). E-mail: talferova68@mail.ru*
Perm State University, Perm

Localization of the Sustainable Development Goals in the Volga and Ural Federal Districts

Abstract. The paper substantiates and describes the decomposition of national development goals of the Russian Federation to the regional level. The database and the methodology were formed on this basis for comparative assessment of the regions' achievement of both national development goals and global SDGs and the dynamics of progress towards them. The methodology was tested through the example of Volga

and Ural Federal Districts for the period 2015–2020. The calculation of the regions' SDG indices demonstrated that their low value coupled with low growth rates will result in a number of regions failing to achieve the targets by 2030. All this can serve as an informational basis for decision-making in the field of implementation of the policy of sustainable development of the regions.

Keywords: *sustainable development goals; SDGs; RF regions; localization; methodology; indicators*

References

Aksenova, M.A., Vladimirova, S.V. et al. *Strategy for Sustainable Development in the System of Public and Municipal Administration and Corporate Management*. (2020). Moscow, Pervoe ehkonomicheskoe izdatel'stvo Publ. 306 p. (In Russ.).

Alferova, T.V., Tret'yakova, E.A., Osipova, M. Yu., Surkova, Yu.I. (2018). *Evolution of the Concept of Sustainable Development in the Context of Historical Processes*. Moscow, INFRA-M Publ. 185 p. (In Russ.).

Berendeeva, A.B., Vorobyova, O.S., Rudanova, Yu.S. (2020). Analysis of indicators and ratings of level and quality of life of population of regions. *Bulletin of the Vladimir State University named after Alexander G. and Nicholas G. Stoletovs. Series: Economics*. Vol. 23. No. 1. Pp. 95–108. (In Russ.).

Bojtorl, A., Czippán, K. (2019). The Synergies of the Sustainable Development Goals and the Good State and Governance Report in Hungary. Available at: https://www.nispa.org/files/conferences/2019/e-proceedings/system_files/papers/the-synergies-bojtor.pdf (accessed 04.08.2022).

Cherchye, L., Kuosmanen, T. (2006). *Benchmarking sustainable development: A synthetic meta-index approach*, in: *Understanding Human Well-Being*, edited by: McGillivray, M. and Clarke, M., New-York, Paris, Tokyo, United Nations University Press, Pp. 139–169. Available at: <https://econwp.ub.uni-muenchen.de/econ-wp/other/papers/0210/0210001.pdf> (accessed 01.08.2022).

Kurganov, M.A., Tret'yakova, E.A. (2020). Sustainable regional development assessment in terms of realizing the values of key stakeholders. *Journal of New Economy*. Vol. 21. No. 4. Pp. 104–130. (In Russ.). DOI: 10.29141/2658–5081–2020–21–4–6.

Lan'shina, T.A., Barinova, V.A., Loginova, A.D., Lavrovskii, E.P., Ponedel'nik, I.V. (2019). Localizing and achieving the sustainable development goals at the national level: cases of leadership. *National Research University Higher School of Economics*. Vol. 14. No. 1. Pp. 207–224. (In Russ.). DOI: 10.17323/1996–7845–2019–01–12.

Learmonth, I. (2019). Global development metrics are overwhelmingly biased towards rich, developed nations. Available at: <https://thred.com/change/the-sustainable-development-goals-tell-an-inaccurate-story-of-global-progress/> (accessed 04.08.2022).

Nikonorov, S.M., Papenov, K.V., Sitkina, K.S., Krivichev, A.I., Lebedev, A.V. (2019). Issues of the Sustainable Development Measurement of the Arctic region. *Moscow University Economics Bulletin*. No. 4. Pp. 107–121. (In Russ.).

Oosterhof P.D. (2018). Localizing the Sustainable Development Goals to Accelerate Implementation of the 2030 Agenda for Sustainable Development. The Governance Brief. Issue 33. Available at: <https://www.adb.org/sites/default/files/>

publication/472021/governance-brief-033-sdgs-implementation-2030-agenda.pdf (accessed 04.08.2022).

Oosterhof, P. (2020). Why Localizing SDGs Is Critical in a Post- COVID World. Available at: https://www.researchgate.net/publication/351846904_Why_Localizing_SDGs_Is_Critical_in_a_Post_COVID_World (accessed 05.08.2022).

Petrashevich, G.V. (2021). Methodological Approaches to the Selection of Problem Regions in the Republic of Belarus. *Ekonomicheskij byulleten nauchno-issledovatel'skogo ekonomicheskogo instituta Ministerstva ekonomiki Respubliki Belarus*. Vol. 288. No. 6. Pp. 48–59. (In Russ.).

Sachs, J., Kroll, C., Lafortune, G., Fuller, G., Woelm, F. (2022). *Sustainable Development Report 2022. From Crisis to Sustainable Development: the SDGs as Roadmap to 2030 and Beyond. Includes the SDG Index and Dashboards*. Cambridge University Press. 494 p. Available at: <https://dashboards.sdgindex.org/> (accessed 04.08.2022).

Syrtsova, E.A., Pyzheva, Yu.I., Lapo, E.V. (2020). *Sustainable Development of Siberian and Far East Regions. Topical issues of economics and sociology* / Collection of articles based on the materials of the XVI International Autumn Conference of Young Scientists in Novosibirsk Akademgorodok. Novosibirsk. Izdatel'stvo: Institut ehkonomiki i organizatsii promyshlennogo proizvodstva SO RAN. Pp. 114–117. (In Russ.).

Tret'yakova, E.A., Osipova, M. Yu. (2016). The combination of static and dynamic approaches in assessing the sustainable development of regional socio-economic systems. *Bulletin of Perm University. Ser. Economics = Perm University Herald. Economy*. Vol. 29. No. 2. Pp. 79–92. (In Russ.). DOI: 10.17072 / 1994–9960–2016–2–79–92

For citation: Alferova, T.V. (2022). Localization of the Sustainable Development Goals in the Volga and Ural Federal Districts. *ECO*. No. 10. Pp. 148–167. (In Russ.). DOI: 10.30680/ECO0131-7652-2022-10-148-167